

ТЕНДЕНЦИИ РАБОТЫ С ИНДУСТРИАЛЬНЫМ НАСЛЕДИЕМ В КОНТЕКСТЕ «ВТОРОЙ МОДЕРНОСТИ»

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Быстрова Татьяна Юрьевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19)

✉ taby27@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

индустриальное наследие, актуализация наследия, «ре-методы» работы с наследием, «вторая модерність», Ульрих Бек, тенденции работы с наследием

БЛАГОДАРНОСТИ:

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00471 «Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: компаративный анализ потенциала и моделей управления».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Быстрова Т.Ю. Тенденции работы с индустриальным наследием в контексте «второй модерности» // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 89–95.

АННОТАЦИЯ:

«Ре-методы» работы с индустриальным наследием – рефункционализация, реновация, реабилитация и др. – часто выбираются специалистами произвольно и не всегда определены в проектах концептуально и содержательно. Вместе с недооценкой объектов и территорий индустриального наследия жителями городов и территорий это приводит к унификации решений, упрощению подходов вместо их индивидуализации. Более квалифицированная, «персонализированная» работа с наследием возможна, по мнению автора, при наличии у инициаторов, стейкхолдеров и авторов проектов историко-культурного горизонта происходящих процессов: что собой представляла индустриальная эпоха на их территории и в чем ее особенности, как и почему это значимо сейчас и в какую сторону развивается.

Концепция «второй модерности», сформулированная Г. Леманном, У. Бекон и Б. Гиллом и включающая в себя аксиологические, мировоззренческие компоненты отношения к продуктам индустриальной эпохи, обеспечивает комплексное видение наследия с учетом перспектив его актуализации. Современное, по большей части депрессивное состояние бывших индустриальных объектов порождено технократизмом «первой модерности» и требует изменения мышления в сторону большей целостности, понимания духовно-ценностной составляющей объектов. В этом случае проектные предложения становятся более комплексными, а «ре-методы» дифференцируются сообразно технократической или гуманистической парадигмам.

На основе конкретного проекта автор кратко характеризует особенности работы с индустриальным наследием 2010–2020-х гг. с учетом параметров, которые помогают определить концепт «второй модерности». Сделан вывод об основных архитектурных, градостроительных, девелоперских тенденциях работы с индустриальным наследием в 2020-х гг., учитывающих непрерывность исторического процесса.

Введение

С тавшая широко распространенной работа с индустриальным наследием вызывает у специалистов и граждан не только интерес, но и множество вопросов. Одним из них является обоснованность выбираемых действий и форматов. Целесообразность их применения, с одной стороны, и их стандартность, нарастающая быстрыми темпами, с другой, могут и

должны осмысливаться научно. Это касается и так называемых «ре-методов» (рефункционализация, реновация, реабилитация, реконструкция и ряд других), на первый взгляд выглядящих как родственные и близкие по смыслу, а на деле представляющих собой выражение двух принципиально разных парадигм работы с наследием. В данной статье мы исходим из того, что критерием оценки применения того или

ного метода (и вытекающего из него формата обновленного промышленного объекта или территории) является их соответствие сущностным чертам культурно-исторического периода, в котором мы сейчас находимся. Рядом авторов начала 2000-х гг. он обозначается, как «вторая модерність» (англ. *second modernity*) [9; 12; 13]. Не вдаваясь в дискуссии о его соотношении с другими маркерами периода – от «сетевого обще-

ства» М. Кастельса до «неоиндустриального общества» (С. Губанов, В. Логачев и др.), рассмотрим концепт «второй модерности» в связи с бывшими индустриальными объектами и площадками, созданными в основном в период «первой модерности». Несмотря на некоторую схематичность, эта параллель подскажет общую логику процесса, а значит, позволит оценить те или иные методы работы с индустриальным наследием как более или менее актуальные.

Характеристики «второй модерности»

Хотя дискуссия по поводу «второй модерности» (или «рефлексивной модерности») почти сошла на нет после ухода из жизни одного из ее авторов – Ульриха Бека – в 2015 году, в сфере работы с наследием этот концепт практически никак себя пока не проявил, хотя он, безусловно, хорошо помогает описать ряд процессов за пределами политики или «чистой» экономики.

Например, «первая модерность» рождена индустриализмом. Технический характер мышления этого типа приводит к механическому разрыву многих целостностей – от человека или города до мира. Н. А. Бердяев говорил об этом как об отсутствии органицизма мышле-

ния и жизни, приводящего к замене целостностей простыми совокупностями деиндивидуализированных элементов, одним из которых становится и человек (например, в случае управления каким-то станком или устройством). «Техника умножает блага жизни. Но эта специальная область... не ставит никакой духовной проблемы» [3, с. 147]. Спроецировав идеи Н. А. Бердяева на устройство индустриального города, можно увидеть то же подчинение селитбы и повседневной жизни нуждам производства, какое в меньшем масштабе русский философ описывал около ста лет назад, говоря о машине и человеке.

Соответственно, задачей «второй модерности» становится преодоление механицизма как в мышлении («текущая современность» З. Баумана), так и в жизни. Преодоление асимметрии технического и «человеческого» в архитектурном объекте, городе, каком-либо проекте возможно при переориентации сознания участников процесса. Личный опыт автора показывает, что представления о глобальных изменениях управленческого или проектного мышления в первой трети XXI века, сильно преувеличены; для того чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть оглавление учебников или пособий по градостроительству, управлению проектами, девелопменту и т. д. Модернистская лексика, базирующаяся на первенстве механической «отдельности», нигде не ушла из инструкций, стандартов, регламентов, что вполне понятно, ведь с ней легче работать. Текущий, изменчивый, находящийся в постоянной (непредсказуемой) динамике мир любого масштаба пугает; даже сами теоретики – У. Бек, Э. Гидденс – называют его «обществом рисков» [12]. Однако, поняв, что его составляют непредвиденные последствия «первой

модерности», увидев ее тупики, можно иначе посмотреть на историю индустриальных объектов и территорий, поставив целью не их уничтожение или консервацию, а работу с ними, продолжающую их жизнь в новых исторических условиях. Только так и можно снять остроту рисков, порожденных модернистским проектом.

Другим аспектом «первой модерности» является унификация элементов жизни. В условиях господства массового промышленного производства она вполне понятна (хотя и не оправданна). Соответственно, «вторая модерность» подчеркнуто стремится к персонализации, индивидуализации людей, групп людей, объектов, процессов. Индустрия нигде не исчезает (У. Бек), но меняются сами технологии и отношения к ним. Используя язык теории систем, можно сказать, что мир переходит от видения объекта как закрытой системы в виде агрегата или механизма – к его пониманию как открытой и близкой к живому целостности, обладающей собственными чертами. Испанский социолог Ж.-М. Хернандес-и-Марти говорит о детерриториальности наследия [15, с. 93], но он имеет в виду исключительно изменение отношения людей к объектам, находящимся, возможно, в самых разных странах мира. Наследием становится все, что есть на Земле, а не только региональные здания или сооружения.

Наконец, «вторая модерность» рефлексивна, то есть требует задумываться о происходящем, несмотря на присутствие в мышлении радикального сомнения, и опираться в первую очередь на собственное знание, а не на традицию. «Мы живем в мире, который целиком конституирован через рефлексивно примененное знание, и мы никогда не можем быть уверены, что любой его элемент не будет пересмотрен», –

Ульрих Бек (1944-2015), немецкий социолог и политический философ, автор концепции «рефлексивной модернизации»

говорит Э. Гидденс [7, с. 230]. Конечно, любое знание накладывает отпечаток на изучаемый объект, и это необходимо учитывать. Зато оно самостоятельное. В сфере предметных практик, какой является работа с наследием, этот тезис разрешает не только задумываться об истории промышленного объекта, но и искать творческие нестандартные пути его дальнейшего существования. Притом, рефлексия по Беку связана с будущим, с перспективами развития.

У Л. Мамфорда по этому поводу есть один пассаж, придающий основательности рассуждениям о рефлексии. Он указывает, что люди индустриальной эпохи совершали своеобразную самопроекцию, толкая «собственную древнейшую историю, отталкиваясь от своих нынешних интересов – производства машин и покорения природы» [10, с. 27]. Сам же Л. Мамфорд считает ошибкой редукцию всех возможностей людей исключительно к изготовлению орудий труда и говорит, что важнейшей задачей человека в любой культуре было «овладение собственной чрезмерно развитой и необычайно активной нервной системой и формирование своего человеческого „я“» [10, с. 27]. Самопознание, саморефлексия при таком подходе не только необходимы, но и закономерны – они присутствовали уже на ранних этапах становления человечества; Л. Мамфорд связывает развитие ранних цивилизаций с письменностью и структурами языка, не абсолютизируя уровень орудий труда [10, с. 36, 40]. Парадоксальным образом эти рассуждения о цивилизации пересекаются с установками культуральной истории [4], изучающей повседневность и «дух».

Опираясь на эти суждения, можно изменить оптику рассмотрения индустриального наследия: в нем есть не только технологическая или инстру-

Задача «второй модерности» – преодолеть асимметрию технического и «человеческого» в архитектурном объекте, городе, проекте...

ментальная составляющие, но опыт, чувства, интуиция тех, кто создавал объекты и технологии. Равным образом эти объекты обусловлены внешней социокультурной средой – от правил застройки до стиля эпохи. При таком взгляде наследие не сводится к совокупности физических единиц, в нем содержится то человеческое, что еще предстоит раскрыть в подавляющем большинстве проектов. В нем присутствует и имманентный запрет на разрушение или отказ, которые сродни самоуничтожению.

Ре-термины и ре-методы

Договорившись об историзме, мы приходим к тезису о возможности поддерживать и развивать (бывшие) индустриальные объекты и территории, а значит, встаем перед необходимостью уточнения терминологии. Несмотря на сходство всех терминов с «ре-», различим те, которые восходят к модернистской парадигме, и те, что отсылают к более целостному и индивидуализированному подходу, близкому по звучанию ко «второй модерности». При этом заметим сразу, что специалисты могут непреднамеренно путаться в терминах, делая иное, чем обозначено в заголовке проекта; краткий пример интересного проекта с зауженным заголовком представлен далее как иллюстрация царящей путаницы.

«Ре-термины» модернистского толка – это, в первую очередь, *реконструкция, реновация*

и *рефункционализация*. Собственно говоря, пока они используются специалистами в области архитектуры (где и возникли), в них нет ничего опасного для наследия. Реконструкция как ремонт, укрепление, восстановление конструктивной основы любого здания – процесс вполне закономерный. Если содержание термина расширяют до масштабов назначения здания, относящегося к наследию, его исходные физические и ценностно-символические характеристики оказываются под угрозой. «Реконструкция – совокупность работ, связанных с изменением основных технико-экономических показателей объекта недвижимости. При этом может осуществляться перепланировка помещений, возведение надстроек, встроек, пристроек к зданиям, а при наличии необходимых оснований – их частичная разборка» [2]. Этот взгляд на здание как на объект недвижимости, а не артефакт индустриальной культуры далее приводит почти что к произволу и трактовки, и последующих действий: «На русский язык „редевелопмент“ часто переводится как „реконструкция“, однако „редевелопмент“ указывает не просто на обновление конструкций, но и на переопределение смысла и назначения определенной городской территории, благодаря чему, как предполагается, она станет более привлекательной» [8, с. 17].

На практике неточности понимания термина не всегда обобщаются минусами. Так, ини-

циаторы проекта *NOI Techpark* в Больцано (арх.: К. Луччин и *Architetti Associati*) называют происходящие изменения «рефункционализацией» [18], хотя обновление промышленного здания 1930 г. с сохранением его исходной стилистики, использование традиционных материалов и строительных техник в отделке, трансформация водонапорной башни в арт-объект, создание театра в объеме пристройке, не нарушающем, однако, общих пропорций, благоустройство окружающей территории – это гораздо более широкий комплекс методов и действий, чем значится в заголовке проекта. Знание местной культуры, историзм, смешение зон различного назначения свидетельствуют, что перед нами живая развивающаяся территория, а не пример смены одной функции объекта другой (рис. 1).

Некоторые термины «первой волны» работы с индустриальным наследием взяты из аппарата тогдашних практик и потому содержат в себе исходный техницизм [1, с. 8–9]. Наиболее показательным понятием «рефункционализация», предполагающее изначальное видение объекта как совокупности частных проявлений (функций) без отсылки к целому. Авторы, употребляющие это слово, часто не

учитывают, что функцией называют проявление одной какой-либо части. Отсюда происходят не только подмены понятий, но и рыхлые «безбрежные» псевдодефиниции, развязывающие руки для любых действий. Например, в статье [11] о наследии читаем: «Рефункционализация – это реконструкция промышленных зданий и сооружений с изменением функции, т. е. того назначения, которое вызвало причину строительства. Процесс включает в себя преобразование объекта для нового назначения, практической и общественной ценности в структуре города». Кто определяет назначение, каковы алгоритмы этого процесса, кто выступает экспертами и что есть «преобразование», здесь остается непонятным. Но даже без этого термин «рефункционализация», вышедший из строительных наук (ср: рефункционализация большепролетных конструкций), не может распространяться на комплексную работу с индустриальным наследием без дополнительных оговорок.

Вторая группа «ре-терминов» косвенно подтверждает отношение к объекту наследия как к индивидуальному целому, имеющему собственную историю, – вполне в духе «рефлек-

сивной модерности». Это регенерация, реабилитация, ревитализация и ряд др. Происходя из наук о живом, они тоже не трактуются специалистами однозначно (см. [5; 6; 14]). Однако здесь появляются указания на учет контекста и внешних связей объекта. Ему необходимо вернуться и «врасти» в город как систему. Его назначение может определяться не произвольно и не «типово», а исходя из потребностей места. Так, читаем о регенерации исторической среды как методе «включения памятника в социокультурную среду, укрепления визуальных и функциональных связей, а также ухода от линейного восприятия историко-культурного наследия как временно-пространственной константы» [6, с. 34]. Такой подход прослеживается у авторов интересной методики, не обозначающих своих действий каким-то одним термином [17].

Чтобы избежать схематизма, укажем на ряд «пограничных» терминов, не имеющих точных определений в сфере работы с наследием и трактуемых двояко. Например, реновацией могут обозначать как действия по очистке загрязненной земли на территории, так и надление объекта новой функцией и даже почти полное уничтожение индустриальных объектов.

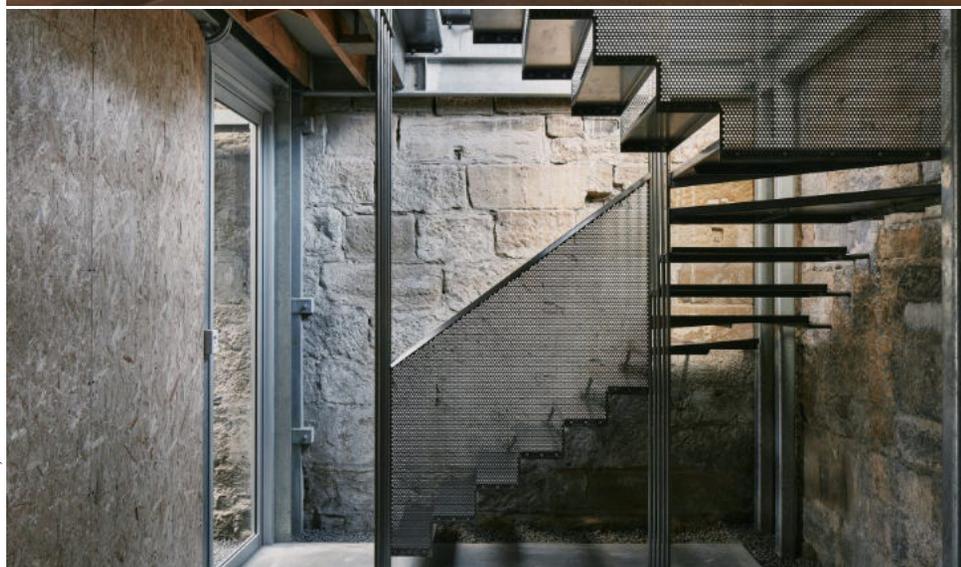

Проект работы с индустриальным наследием

Приведем пример работы с бывшим индустриальным зданием, учитывающий и развивающий его «дух». Индустриальная эстетика здесь не только сохраняется, но – вместе со сменой назначения – расширяется до эстетики частного жилья [16]. Бывшая шляпная фабрика в Новом Южном Уэльсе (Австралия) вместила в себя сегодня две квартиры, не стремящиеся утвердить какие-либо новые стандарты, а максимально задействующие исходные элементы здания (рис. 2). Фасад, выходящий на улицу, выполнен из перфорированной стальной облицовки, гармонично сочетающейся с каменной стеной исходного объема. Световой колодец во внутреннем дворе расположен на уже имевшейся конструкции. Концепция архитектуры не включает представление о «второй модерности», но зато содержит отсылку к японской философии *кинцуги*, говорящей о необходимости «ценить или освещать остатки истории», в которой неизбежны поломки и трещины.

При этом авторы не чураются «новой» индустриальности хай-тек, используя микроплитку, поликарбонат, полированный металл. Осмысление имеющегося и его развитие дают синтетичное решение, со множеством индивидуализированных фрагментов.

Общее отношение к истории, даже на уровне соединения деталей, можно обозначить как продолжение, развитие имеющегося без радикального вторжения в его исходные параметры. История не адаптируется под современность. Скорее, речь идет о взаимных уступках и диалоге, но без утраты «лиц» исходного объекта и современных продолжателей-пользователей.

© фото: welshmajor.com

Рис. 2. Жилой дом, созданный из бывшей шляпной фабрики (Новый Южный Уэльс, Австралия). Архитектурное бюро: Welsh + Major (2021).

Краткое представление идей «второй модерности» дает основания для диалогичной работы с бывшими индустриальными объектами и территориями, далекой от произвольного наделения новыми функциями, превращения в городской декор или полной трансформации. Концепция У. Бека и его коллег увязывается с идеями «культуральной истории», формируя методологическую базу для вдумчивых тактических действий, в которых создатели индустриальных объектов и сами объекты выступают пол-

ноправными участниками социокультурного процесса.

Сложности и достижения подобной работы связаны с преодолением стандартных подходов, поиском уникальных сочетаний внешних и внутренних связей индустриальных объектов с городской средой, стратегическими задачами развития, пользователями. Поэтому так значимы практики вовлечения горожан в процессы актуализации индустриального наследия, подсказывающие адекватные решения. ■

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Алексеева Е.В., Быстрова Т.Ю. (2021). Индустриальное наследие: понятия, ценностный потенциал, организационные и правовые основы. Екатеринбург : ТАТЛИН. 163 с.
- [2] Асаул А.Н., Карасев А.В. (2001). Экономика недвижимости : Учебное пособие. М. : МИКЧИС. URL: <http://www.aup.ru/books/m76/prilog1.htm>.
- [3] Бердяев Н.А. (1989). Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. № 2. С. 147–162.
- [4] Берк П. (2015). Что такое культуральная история / пер. с англ. И. Полонской ; под науч. ред. А. Лазарева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 240 с.
- [5] Быстрова Т.Ю. (2018). Теоретико-методологическое обоснование понятия «культуральная регенерация территории» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. Т. 24. № 2 (174). С. 106–114.
- [6] Васильева Ю., Хайруллина А. (2016). Регенерация исторической среды усадьбы Талицы как способ включения объекта культурного наследия в современное социокультурное пространство // Архитектурное наследие. № 3 (15). С. 34–39.
- [7] Губман Б.Л., Ануфриева К.В. (2015). Теория рефлексивной модернизации: традиция Нового времени и современный мир // Философия, наука, культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию профессора А. А. Шестакова. Самарский государственный архитектурно-строительный университет. Самара. С. 226–242.
- [8] Зукин Ш. (2018). Культуры городов / пер. с англ. Д. Симановского. М. : Новое литературное обозрение. 424 с.
- [9] Леманн Г. (2010). Искусство рефлексивной модерности // Логос. № 4 (77). С. 87–109.
- [10] Мамфорд Л. (2001). Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратова (1 глава). М. : Логос. 408 с.
- [11] Тарзанова Ю.Е. Прошлое, настоящее и будущее «заброшенных» промышленных территорий в современном городе // Студенческий научный форум – 2016 : Материалы VIII Международной студенческой научной конференции. URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016026666> (дата обращения: 28.10.2021).
- [12] Beck U. (1992). Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage. 260 p.
- [13] Beck U., Grande E. (2010). Varieties of second modernity: extra-European and European experiences and perspectives, *British Journal of Sociology*, vol. 61, issue 3, pp. 406–638.
- [14] Bystrova T.Yu., Pevnaya M.V. (2020). Culture-led Regeneration of Industrial Heritage Sites in Modern Cities. In: Proceedings of the “Industrial, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research Conference”. Pp. 117–128. DOI: 10.18502/kss.v5i2.8343.
- [15] Hernández i Martí G.-M. (2006). The deterritorialization of cultural heritage in a globalized modernity, *Transfer: journal of contemporary culture*, no. 1, pp. 92–107.
- [16] Hui K. The Hat Factory by Welsh + Major. Yellowtrace. 22.10.2021. URL: <https://www.yellowtrace.com.au/welsh-major-architects-the-hat-factory-sydney-warehouse-apartments/> (accessed 28.10.2021).
- [17] Claver J., Sebastián M.A., Sanz-Lobera A. (2015). Opportunities of the multicriteria methods in the study of immovable assets of the Spanish industrial heritage, *Procedia Engineering*, vol. 132, pp. 175–182.
- [18] Project profile: Chapman Taylor Milan Director Gianfranco Lizzul speaks about our repurposing project at NOI Technology Park project in Bolzano, Italy. Chapman Taylor. 01.07.2020. URL: <https://www.chapmantaylor.com/news/chapman-taylor-milan-director-gianfranco-lizzul-speaks-about-our-recently-completed-noi-technology-park-development-in-bolzano-italy> (accessed 28.10.2021).

TRENDS IN DEALING WITH INDUSTRIAL HERITAGE IN THE CONTEXT OF “SECOND MODERNITY”

ABSTRACT:

“Re-methods” of working with industrial heritage – *refunctionalization*, *renovation*, *rehabilitation*, etc. – are often chosen by experts ad hoc and not always conceptually and comprehensively defined in projects. Together with the underestimation of objects and territories of industrial heritage by residents of cities and territories, this leads to unification of solutions, simplification of approaches instead of their individualization. According to the author it is possible to deal with heritage in a more qualified, or “personalized” way, if the initiators, stakeholders and projects authors have a historical and cultural horizon of the ongoing processes: what the industrial era was like in their territory and what are its specifics, how and why it is significant now and which direction it is developing.

AUTHORS’ INFORMATION:

Tat’yana Yu. Bystrova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia)
✉ taby27@yandex.ru

KEYWORDS:

industrial heritage, heritage update, “re-methods” of dealing with heritage, “second modernity”, Ulrich Beck, trends in dealing with heritage.

FUNDING:

The reported study was funded by RFBR in the framework of research project no. 20-011-00471 "Social participation of youth in the socio-cultural development of cities in Russia and post-Soviet countries: a comparative analysis of the potential and management models".

FOR CITATION:

Bystrova T.Yu. (2021). Trends in dealing with industrial heritage in the context of "second modernity", *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 89–95.

The "second modernity" concept, formulated by G. Lehmann, U. Beck and B. Gill and including axiological, worldview components of the attitude to the industrial era products, provides a comprehensive vision of the heritage, taking into account its update prospects. The modern, mostly depressive state of the former industrial objects is generated by the 'first modernity' technocratism and requires a change in thinking towards greater integrity, understanding of spiritual and value component of objects. In this case, project proposals are more complex, and "re-methods" are differentiated in terms of technocratic or humanistic paradigms.

Based on the specific project, the author briefly characterizes the specifics of dealing with industrial heritage of 2010–2020, considering the parameters helping to define the "second modernity" concept. A conclusion is made about the main architectural, urban planning, development trends in dealing with industrial heritage in 2020, taking into account the continuous nature of historical process.

REFERENCES:

- [1] Alekseeva E.V., Bystrova T.Yu. (2021). Industrial heritage: Concept, value potential, organizational and legal bases. Yekaterinburg: TATLIN. 163 p.
- [2] Asaul A.N., Karasev A.V. (2001). Real estate economics. Moscow: MIKCHIS. URL: <http://www.aup.ru/books/m76/prilog1.htm>.
- [3] Berdyaev N.A. (1989). Man and machine (problem of sociology and metaphysics of technology), *Philosophy Issues*, no. 2, pp. 147–162.
- [4] Burke P. (2015). What is Cultural History? Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 240 p.
- [5] Bystrova T.Yu. (2018). Theoretical and methodological substantiation of the concept of cultural regeneration of the territory, *Bulletin of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture*, vol. 24, no. 2 (174), pp. 106–114.
- [6] Vasilyeva Yu., Khairullina A. (2016). Regeneration of the historical environment of the Talitsa estate as a way to include the object of cultural heritage in modern sociocultural space, *Architectural heritage*, no. 3 (15), pp. 34–39.
- [7] Gubman B.L., Anufrieva K.V. (2015). The theory of reflexive modernization: the tradition of new time and modern world. In: Philosophy, science, culture: Proceedings of scientific articles on the 60th anniversary of A. Shestakov. Samara State Architectural University. Samara. Pp. 226–242.
- [8] Zukin Sh. (2018). Cities culture. Moscow: New literary review. 424 p.
- [9] Lehmann G. (2010). The art of reflexive modernity, *Logos*, no. 4 (77), pp. 87–109.
- [10] Mamford L. (2001). Machine's myth. Technique and human development. Moscow: Logos. 408 p.
- [11] Tarzanova Yu.E. Past, present and future of "abandoned" industrial territories in the modern city. In: Proceedings of the VIII International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum – 2016". URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016026666> (accessed 28.10.2021).
- [12] Beck U. (1992). Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage. 260 p.
- [13] Beck U., Grande E. (2010). Varieties of second modernity: extra-European and European experiences and perspectives, *British Journal of Sociology*, vol. 61, issue 3, pp. 406–638.
- [14] Bystrova T.Yu., Pevnaya M.V. (2020). Culture-led Regeneration of Industrial Heritage Sites in Modern Cities. In: Proceedings of the "Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research Conference". Pp. 117–128. DOI: 10.18502/kss.v5i2.8343.
- [15] Hernández i Martí G.-M. (2006). The deterritorialization of cultural heritage in a globalized modernity, *Transfer: journal of contemporary culture*, no. 1, pp. 92–107.
- [16] Hui K. The Hat Factory by Welsh + Major. Yellowtrace. 22.10.2021. URL: <https://www.yellowtrace.com.au/welsh-major-architects-the-hat-factory-sydney-warehouse-apartments/> (accessed 28.10.2021).
- [17] Claver J., Sebastián M.A., Sanz-Lobera A. (2015). Opportunities of the multicriteria methods in the study of immovable assets of the Spanish industrial heritage, *Procedia Engineering*, vol. 132, pp. 175–182.
- [18] Project profile: Chapman Taylor Milan Director Gianfranco Lizzul speaks about our repurposing project at NOI Technology Park project in Bolzano, Italy. Chapman Taylor. 01.07.2020. URL: <https://www.chapmantaylor.com/news/chapman-taylor-milan-director-gianfranco-lizzul-speaks-about-our-recently-completed-noi-technology-park-development-in-bolzano-italy> (accessed 28.10.2021).